

В. Б. КОБРИН

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СЕМЕЙНОЙ ГЕНЕАЛОГИИ (Протопоповы — Мезецкие — Пронские)

Семья — ячейка общества. Тем важнее изучение отдельных семей и их связей, особенно в феодальную эпоху, когда семейный статус и фамильные традиции во многом определяли место отдельного человека и на социальной лестнице, и в политической борьбе. В нашей науке есть примеры скрупулезного анализа истории феодальных родов и семей.¹ К сожалению, источники далеко не всегда позволяют проследить родственные связи разных феодальных семей XVI в. и их «семейную хронику». Эту редкую возможность дает комплекс актов семьи Протопоповых и Мезецких.

Первый персонаж хроники — протопоп придворного Благовещенского собора в Московском Кремле Василий Кузьмич. Он принадлежал к элите русского духовенства: его духовным сыном был сам государь. Именно как «отец духовный» протопоп присутствовал при составлении духовной записи Василия III перед казанским походом 1523 г.² Незадолго до смерти Василия III в 1531/32 г. Василий Кузьмич составил духовную³ и, приняв монашество с именем Вассиана, умер. Таким образом, его духовная всего лишь на два года предшествует завещательным распоряжениям Василия III. Из пяти душеприказчиков, назначенных умирающим протопопом, четверо участвовали в выработке последнего завещания Василия III — кн. Михаил Львович Глинский, Михаил Юрьевич Захарьин, Иван Юрьевич Шигона Поджогин и дьяк Григорий Никитич Меньшой Путятин.⁴ Трое из них (Глинский, Захарьин и Шигона) составили тот узкий кружок, с которым Василий III совещался перед смертью «сам-третьей у постели».⁵ Такой подбор душеприказчиков демонстрирует удивительную близость окружения духовных отца и сына — протопопа и великого князя всея Руси. Трое душеприказчиков были также связаны с разводом и вторым браком Василия III: кн. М. Л. Глинский в качестве дяди новой великой княгини,

¹ Веселовский С. Б. 1) Из истории древнерусского землевладения. — Истор. записки, 1946, т. 18, с. 56—91; 2) Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947; 3) Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; Зимин А. А. Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв. — Археограф. ежегодник за 1963 г., М., 1964, с. 56—71.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подгот. Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950, № 100.

³ ГБЛ, ф. 303, Архив Троице-Сергиевской лавры (далее — АТСЛ), № 281.

⁴ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 392—394.

⁵ Зимин А. А. 1) Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 226; 2) Княжеские духовные грамоты начала XVI века. — Истор. записки, 1948, т. 27, с. 279—287.

а И. Ю. Шигона как активный участник пострижения Соломонии и затем вместе с Г. Н. Путятиным розыска в Суздале о якобы родившемся у нее сыне.⁶ Естественно, развод и второй брак государя прямо касались его духовного отца; отсюда и связь протопопа с людьми, замешанными в этом скандальном деле.

Пятый душеприказчик Василия Кузьмича — Русин Иванович Семенов⁷ — был, вероятно, близок и к протопопу, и к московским придворным кругам: он фигурирует в качестве послуха в 1523 г. в одной из земельных крепостей Василия Кузьмича и в 1526/27 г. — в купчей другого душеприказчика протопопа — кн. М. Л. Глинского.⁸

У протопопа было немало и должников, и кредиторов, общий же его баланс оставался благоприятным: протопоп был должен 324 руб., ему — 959. Наиболее крупным кредитором (долг в 100 руб.) был келарь, впоследствии игумен Троице-Сергиева монастыря Серапион Курцев.⁹ 50 руб. ссудил Василию Кузьмичу известный дворцовый дьяк Федор [Михайлович] Мишурин, казенный впоследствии в годы боярского правления.¹⁰ Другому дворцовому дьяку Григорию Захарову [Гнильевскому]¹¹ следовало получить 4 руб. Связь протопопа с дьячеством (два дьяка среди кредиторов и один среди душеприказчиков), таким образом, несомненна. Не в поповском ли происхождении самих дьяков лежат отчасти причины этой близости? А быть может, богатые и незнатные придворные естественным образом тянулись друг к другу?

Остальные долги протопопа были связаны с суммами, не выплаченными за купленные товары или за работу: 50 руб. он был должен за мед вощежнику Стефану, 45 руб. — за жемчуг Митьке Курофтанову, 40 руб. — некоему Ерониму «за дело, что делал френчюшка и окладывал»,¹² 10 руб. — Василию [Ивановичу] Беззубому [Ларионову] за иноходца и 7 руб. — Роману [Васильевичу] Тургеневу¹³ за мерина, 8 руб. — Хозе Ширяеву за камку

⁶ Зимин А. А. 1) Россия на пороге нового времени, с. 296—297; 2) Дьяческий аппарат в России второй половины—первой трети XVI в. — Истор. записки, 1974, т. 87, с. 263—264, № 152.

⁷ В духовной назван только по имени и отчеству; родовое прозвание устанавливается по духовной вдовы протопопа — Марфы (об этом акте см. далее).

⁸ Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975 (далее — АРГ 1505—1526), № 219, 286.

⁹ Вероятно, кредитором был монастырь, а не лично Серапион.

¹⁰ Зимин А. А. Дьяческий аппарат..., с. 253—254, № 115; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 344—345.

¹¹ Зимин А. А. Дьяческий аппарат..., с. 231—232, № 49; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие..., с. 119.

¹² Ероним был либо иностранным мастером, изготовлявшим оклады на французский или итальянский («фряжский») манер, либо, как предположила А. Л. Хорошкевич, посредником при покупке изделий некоего «Френчюшки» — Франца или Франческо и т. п.

¹³ О В. И. Беззубом Ларионове см. далее; об отчестве Р. Тургенева см.: ЦГАДА, ф. 281, Грамоты Коллегии экономии (далее — ГКЭ), Белозеро, 66/767.

и 10 руб. — архимандриту Чудова монастыря Ионе за два серебряных ковша.

Среди должников протопопа встречаются также незнатные люди: 24 руб. задолжал Костя Мяжеков,¹⁴ 20 руб. — Иван Пахомов, 10 руб. — Семен Иванов сын Щелканов, дед известных дьяков Щелкаловых¹⁵ и 30 руб. — холоп («человек») протопопа Сойца (ему долг по духовной прощался). Большинство же должников принадлежали к высшей аристократии. Некоторые из них не брезговали небольшими суммами: кн. Михаил [Васильевич] Бабичев, потомок кн. Друцких, суздальский вотчинник,¹⁶ занял у протопопа 7 руб. Не заплатил Василию Кузьмичу за соболей 20 руб. кн. Иван Михайлович Воротынский. Более крупными должниками были отпрыски суздальских князей: 40 руб. задолжал кн. Иван Иванович Барбашин, а за его троюродным братом, боярином¹⁷ кн. Михаилом Васильевичем Кислым [Горбатым], числилась грандиозная сумма в 180 руб. Этот крупный долг показывает, что задолженность феодала — не доказательство его разорения: до последних дней в собственности М. В. Горбатого были по берегам Волги и в Суздальском уезде огромные вотчины; к тому же он располагал к моменту своей смерти в 1535 г. свободными деньгами, завещав великому князю 200 золотых.¹⁸ Кн. Иван Данилович Пенков¹⁹ задолжал 120 руб., а его четверюродный брат кн. Михаил Иванович Кубенский — 50 руб. Кн. Федор Васильевич Лопата [Оболенский] (двоюродный брат будущего временщика И. Ф. Овчины) был должен 50 руб.²⁰ Бежавший впоследствии в Литву окольный Иван Васильевич Ляцкий²¹ из рода Захарыных задолжал 100 руб. Наконец, среди должников Василия Кузьмича были представители еще одного княжеского рода — Мезецких, но их долги тесно связаны с семейными делами протопопа.

Василий Кузьмич оставил двоих детей — сына Ивана Протопопова и дочь Евфимию, которая вышла замуж за отпрыска одного из самых аристократических родов — кн. Ивана Меньшого Михайловича Мезецкого. Удельные владельцы Мещовска (Мезецка) кн. Мезецкие лишились удела при Иване III. Последний удельный князь Михаил Романович получил взамен село

¹⁴ Упоминания Мяжековых (Межаковых) в 60—70-х гг. XVI в. см.: ЦГАДА, ГКЭ, Кострома, 145/5112; Переславль, 237/8961; Суздаль, 61/11840.

¹⁵ Подьячий Яков Семенов сын Щелканов упоминается в 1534/35 г. (ЦГАДА, ГКЭ, Бежецк, 72/1176; ГБЛ, АТСЛ, кн. 532, Бежецк № 138).

¹⁶ Акты исторические. Собр. и изд. Археограф. комиссией. СПб., 1841, т. 1, № 131.

¹⁷ Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV—XVI веках. — Археограф. ежегодник за 1957 г., М., 1958, с. 52.

¹⁸ Владимирский сборник. Сост. К. Тихонравов. М., 1857, с. 128—130.

¹⁹ Боярин с 1534 г. (Зимин А. А. Состав Боярской думы..., с. 54).

²⁰ Его дочь была замужем за сыном другого должника протопопа — за кн. В. И. Воротынским. См.: ГИИ, собр. СПб. духовной академии, А 1/17. Копийная книга Кирилло-Белозерского монастыря, л. 497—513 об.

²¹ Зимин А. А. Состав Боярской думы..., с. 53—54.

Алексин и другие владения в Стародубе Рязанском.²² Младший из его сыновей стал зятем протопопа. По службе князь Иван не продвинулся, вероятно, не отличаясь ни особым умом, ни лихостью: во всяком случае, несмотря на родство с духовником великого князя, в разрядах его имя не упоминается. Денежные дела князя были не в лучшем состоянии, и ему пришлось, поступившись аристократической спесью, перейти на иждивение тестя. С неприкрытой плебейской гордостью Василий Кузьмич пишет в своей духовной: «А зять мой, князь Иван, жил у меня на дворе тринадцать лет, ел-пил все мое... А служил зять мой государю службы все моею подмогою». Протопоп «покупал зятю своему на свои деньги доспех про него и на люди его, и кони». Таким образом, долги Василия Кузьмича за мерина и иноходца, вероятно, были сделаны для зятя.

К моменту брака дела князя были изрядно запутаны: он заложил свою долю отцовских вотчин — половину села Алексина в Стародубе Рязанском и четверть села Глумова Опольского стана Суздальского уезда — Семену Васильевичу Черемисинову и Злобе [Даниловичу] Лукерью.²³ Тесть выкупил эти вотчины: отсюда в духовной и двухсотрублевый долг князя Ивана. Пользовались поддержкой нового родича и братья И. М. Мезецкого, они должны были протопопу в общей сложности 108 руб. Кроме того, часть долга князя Ивана была записана в кабале на имя крестового дьяка Григория, племянника протопопа; этот долг был в духовной прощен.

Брак Евфимии Протопоповой и Ивана Мезецкого был выгоден для обеих сторон. Разорившийся аристократ получал поддержку богатого тестя-плебей. Для Василия Кузьмича открывались возможности приобретения вотчин Мезецких. Протопоп, естественно, не имел родовых вотчин, но интенсивно их скупал. Вдове Марфе он завещал куплю у Ивана Пахомова — село Борисоглебское (вероятно, было куплено за долги; иначе непонятно, откуда взялся долг в 20 руб. продавца вотчины Пахомова покупателю Василию Кузьмичу), а сыну — куплю у Григория Измайлова — сельцо Копцово и деревню Вельяминово. Но самая крупная операция была проведена с вотчинами Мезецких. В 1522/23 г. князь Иван купил у своих трех старших братьев за 530 руб. с пополонкой в виде трех кунных шуб²⁴ их доли в общей суздальской вотчине —

²² Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в. — В кн.: *Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.* М., 1975, с. 39—41. О Мезецких см. также: Лихачев Н. П. Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий. — *Изв. Русск. генеалог. о-ва*, СПб., 1900, в. 1, отд. 1, с. 85; Татищев Ю. В. *Род князей Мезецких.* — Там же, 1903, в. 2, отд. 1, с. 63—64, 67.

²³ Об отчестве см.: АРГ 1505—1526, № 201.

²⁴ Поношенная кунья шуба стоила в середине XVI в. около 4 руб. (Маньков А. Г. *Цены и их движение в Русском государстве XVI века.* М.—Л., 1951, с. 214), следовательно, общая цена составляла около 540—550 руб.

селе Глумове — и тут же, в сентябре 1523 г., заложил тестю и шурина все четыре доли (купленные три и свою) всего за 300 руб.²⁵ Если не знать о взаимоотношениях действующих лиц (а о них закладная кабала умалчивает), сделка производит странное впечатление. Купив более чем за 500 руб. три доли, князь тут же закладывает все четыре за 300 руб., теряя, таким образом, и вотчину, и около 250 руб., обязываясь к тому же платить проценты. Но из духовной Василия Кузьмича выясняется, что заниженная сумма в кабале была актом благодеяния зятю, ибо Глумово купил сам протопоп, только на имя зятя «со государева ведома». Указав в кабале выкупную сумму в 300 руб., протопоп тем самым давал зятю возможность (впрочем, малоосуществимую) вернуть вотчину, уплатив 300, а не 500 руб.

Протопоп взялся за хозяйственное освоение новой вотчины и «учинил ... другую пашню сельцо Банево и по Заозерью деревни изоставил».²⁶ Этот свой «примысл» в старой вотчине протопоп завещал сыну Ивану, предоставив Глумово дочери и зятю. Тем самым Василий Кузьмич смог наделить дочь приданым, затратив лишь деньги, но не теряя ничего из ранее приобретенных вотчин.

Кроме вотчин, Василию Кузьмичу принадлежали также поместья — сельцо Бобыково (ранее было за Федором Лелечиным) и Милков Враг. Получение благовещенским протопопом поместья — свидетельство того, что эта деятельность, по крайней мере во времена Василия III, приравнивалась к государственной службе. Впрочем, поместья, видимо, принадлежали протопопу по должности и предназначались для перехода к следующим протопопам (аналогично поместьям тверских наместников, торопецких городничих и т. п.²⁷). В духовной Василий Кузьмич обращается к душеприказчикам — кн. М. Л. Глинскому и М. Ю. Захарьину — с просьбой «самим жаловати, а государю печаловатись, чтобы государь пожаловал того поместейца у жены моей и у сынишка не велел взяти». М. Ю. Захарьин мог ведать поместными делами в качестве дворецкого, а роль кн. М. Л. Глинского в управлении страной была достаточно велика в последние годы княжения Василия III. «Государевым жаловацем» был и двор протопопа в Кремле («в городе»), на котором он «поставил полату»; Василий Кузьмич просил не отнимать у наследников и двора. Однако вдова протопопа, как видно из ее духовной, жила уже не в Кремле, а «в городе в Китае у Мироносиць», т. е. в ближайшей к Кремлю части Никольской улицы (ныне — ул. 25-го Ок-

²⁵ АРГ 1505—1526, № 214, 215, 219.

²⁶ В 1563/64 г. к Баневу тянуло 12 деревень, 1 починок и 1 селище. Там было 25 крестьянских и 3 бобыльских двора (31 семья), 322,5 четв пахотной земли и 425 копен сена (ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, Суздаль № 5).

²⁷ ПКМГ, ч. 1, отд. 2, с. 69, 109, 129; Торопецкая книга 1540 г. Подгот. М. Н. Тихомиров и Б. Н. Флоря. — Археограф. ежегодник за 1963 г., М., 1964, с. 326.

тября), где находился Мироносицкий монастырь.²⁸ Вероятно, были утрачены и поместья: в последующих документах семьи они не упоминаются. Заступничество душеприказчиков в 1534 г. не могло помочь семье протопопа: кн. М. Л. Глинский был уже арестован своей властной племянницей, а М. Ю. Захарьин и Г. Н. Путятин попали в опалу.²⁹ К тому же правительство Елены Глинской порой отнимало даже вотчины, пожалованные при Василии III: так, у одного из кредиторов протопопа В. И. Беззубого Ларионова была конфискована полученная в 1528 г. вотчина в Бежецком верху.³⁰

Возникает естественный вопрос: где источники столь большого богатства протопопа, который был в состоянии скупать вотчины, содержать зятя и давать крупные суммы в долг? Даже большое денежное жалованье и подарки духовного сына вряд ли могли обеспечить такие расходы. Вероятно, должность великокняжеского духовника открывала возможности для некоторого влияния на государя, если не в серьезных политических вопросах (как впоследствии у Сильвестра), то по крайней мере в отношении к отдельным лицам из придворного окружения. Отсюда — обращения за «печалованием» к влиятельному протопопу и «посулы» за это печалование. Не следы ли невыплаченных посулов мы находим в перечислении долгов знати протопопу Василию? Можно даже найти поводы для такой благодарности. Так, едва ли могла быть решена без участия государева духовника судьба сестры Елены Глинской, выданной замуж за кн. И. Д. Пенкова,³¹ задолжавшего протопопу 120 руб.

Многие из окружения Василия Кузьмича были связаны с дворцовым ведомством. Дворецкими были душеприказчики М. Ю. Захарьин и И. Ю. Шигона Поджогин, есть сведения о службе дворецким и кн. В. Ф. Лопаты Оболенского — должника протопопа; был дворецким и брат другого его должника — кн. М. И. Кубенского — Иван.³² Среди кредиторов — также дворцовые дьяки Ф. М. Мишури и Г. З. Гнильевский. Вероятно, дело не только в личных контактах протопопа, а прежде всего в том, что придворный собор ведался во дворце.

Семейную хронику продолжает духовная вдовы протопопа Марфы. Она пережила мужа почти на три десятка лет: духовная составлена в 1560/61 г. и предъявлена для утверждения после смерти Марфы 10 августа 1561 г.³³ Из духовной узнаем, что

²⁸ Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. СПб., 1897, т. 3, № 1738.

²⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного, с. 230.

³⁰ ГБЛ, АТСЛ, кн. 533, Бежецк № 135; Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895, в. 1, № II.

³¹ Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.—Л., 1957, с. 293.

³² Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. — Истор. записки, т. 63, с. 187, 189.

³³ ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, Суздаль № 4.

у четы Мезецких родилась дочь — княжна Авдотья, которой ко дню смерти деда исполнился 1 год и 20 недель. Вскоре умерли и ее родители, и она осталась «маленька» на руках у бабушки-протопопицы.³⁴ Родилась княжна Авдотья, следовательно, около 1530—1531 гг.

Когда внучка подросла, бабушка и второй опекун Авдотьи (ее дядя Иван Протопопов) «зговорили с Васильем с Михайловичем с Воронцовым за его брата за Ивана за Михайловича». Сговор не мог состояться позднее июля 1546 г.: 21 июля этого года Василий Михайлович Воронцов был казнен (по доносу одного из кредиторов протопопа Василия дьяка Г. З. Гнильевского), а сам жених Иван Михайлович арестован и «неодинажды был на Коломне на пытке», все же имущество братьев было конфисковано.³⁵ Впрочем, брак расстроился еще до опалы жениха. «И по грехом моим, вражьею сполою внука моя за Ивана не похотела», — пишет в духовной бабушка Марфа. Если бы отказ был вызван арестом жениха, то, вероятно, «не похотела» бы прежде всего бабушка, да и не пришлось бы платить неустойку — «заряд». Заряд состоял во внушительной сумме в 500 руб., и для его уплаты бабушке и дяде пришлось продать два села. Авдотье к началу 1546 г. было не больше 16 лет. И тем не менее она сумела настоять на своем, пустив в ход то оружие, которое вряд ли бы ей помогло, не будь она круглой сиротой при любящей бабушке: «яз, Марьфа, за своею внукою заплатила заряд пятьсот рублей ее для слез», — сообщает протопопица. Впрочем, и после продажи сел (вероятно, Борисоглебского и Копцова, более не упоминающихся в числе вотчин этой семьи) Авдотья оставалась не только знатной, но и богатой невестой: в ее руках находилась значительная часть стародубских вотчин Мезецких.

Мужем Авдотьи стал кн. Юрий Иванович Шемякин Пронский. Брак благословил и дядя, смирившийся с утратой двух сел из-за слез племянницы: он подарил Авдотье к свадьбе украшения («саженье») покойной жены. Вероятно, брак с Ю. И. Пронским последовал вскоре за расторжением помолвки с Воронцовым: муж Авдотьи впервые упомянут в числе других молодых аристократов стольником осенью 1546 г.,³⁶ а затем в 1547 г. как участник свадебных церемоний при бракосочетаниях Ивана IV и его брата Юрия.³⁷ Нельзя утверждать, что разрыв Авдотьи с Воронцовым и ее брак с князем Юрием связаны, но такая связь вполне вероятна: отказ Воронцову психологически объяс-

³⁴ К 1538/39 г. родителей уже не было в живых: в деловой грамоте этого года владелицей вотчин И. М. Мезецкого названа уже княжна Авдотья (Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собр. и изд. А. Федотов-Чеховской. Киев, 1860, т. 1, № 50).

³⁵ ПСРЛ, т. 34, с. 27.

³⁶ Назаров В. Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 52.

³⁷ Разрядная книга 1475—1605 гг., т. I. М., 1977 (далее — РК 1475—1605), с. 326, 339.

ним стремлением к браку с другим, любимым человеком. Если это так, то перед нами редкий случай, когда в русском феодальном сословии XVI в. девушка не только смогла отказаться от навязанного родней брака, но и настоять на браке по любви.

Материально брак с Ю. И. Пронским вряд ли был выгоден для Протопоповых—Мезецких, скорее в браке мог быть заинтересован жених: о вотчинах его семьи не сохранилось сведений, а Авдотья в духовной распоряжается лишь своими наследственными землями и не упоминает о вотчинах мужа. Вероятно, у князя Юрия были поместья в Тарусском уезде, по которому он был записан в I статье Тысячной книги 1550 г. вместе с братом Иваном.³⁸ Но материальное его положение не было лучшим, чем у его покойного тестя И. М. Мезецкого: по словам Марфы Протопоповой, «что есмь давали зятю своему приданово и в суду деньги, и платья, и кони, и то зять наш прослужил на царьской службе».

Царская служба Ю. И. Шемякина Пронского и впрямь была весьма активной, молодым супругам нечасто удавалось видеться. Князь Юрий Иванович мог бы с полным основанием отнести к себе слова Курбского: «яко мало и рождешии мене зрех и жены моя не познавах, и отечества своего отстоях, но всегда в дальноконных градех твоих против врагов твоих ополчяхся».³⁹ Рындой он участвовал в трех походах 1549—1550 гг., с октября 1550 г. был воеводой в Нижнем Новгороде, а с июля 1551 г. — неподалеку от родового гнезда, на р. Проне в Михайлове, откуда осенью того же года отправился в Рязань «по нагайским вестям» и ходил в поход на «горную черемису». В 1552 г. он возглавлял семитысячный передовой отряд («ертоул») в победоносном казанском походе и непосредственно участвовал в штурме города; его храбрость особо отмечает А. М. Курбский. В октябре 1553 г. князь Юрий был снова на службе — воеводой в Рязани в боевой готовности для похода на Астрахань, который он и возглавил в апреле 1554 г. Войска Ю. И. Пронского взяли Астрахань и посадили на ханский престол московского ставленника Дербыш-Али.⁴⁰ Около 1555 г. князь Юрий получил боярство и в том же году умер.⁴¹ Если считать, что в 1546 г. ему было не более 17—18 лет (Курбский называет его «юношей» при описании взятия Казани⁴²), то прожил он лет 26—27. Брак продолжался лет восемь.

³⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подгот. А. А. Зимин. М.—Л., 1950, с. 56.

³⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л., 1979, с. 8.

⁴⁰ РК 1475—1605, с. 373—374, 379, 390, 395, 406—407, 418, 429, 455—456, 467—470; ПСРЛ, т. 29, с. 92, 95—96, 99—100, 187, 190, 192, 196, 200, 226, 229—231; Сочинения князя Курбского, т. I. — РИБ, 1914, т. 31, стб. 181, 237.

⁴¹ Зимин А. А. Состав Боярской думы... с. 67.

⁴² Сочинения князя Курбского, т. I, стб. 181.

Княгиня Авдотья осталась вдовой в возрасте 24—25 лет. Детей у нее не было.⁴³ Молодые богатые вдовы в XVI в. обычно выходили замуж или уходили в монастырь. Княгиня Авдотья не стала монахиней, но и замуж не вышла: еще один довод в пользу предположения, что основой ее брака была любовь.

После смерти мужа княгиня Авдотья твердо вела хозяйственные дела, в 1557/58 г. успешно провела тяжбу о смежных угодьях с Мезецкими — двоюродным братом и дядей по отцу.⁴⁴ В 1559/60 г. княгиня отдала в Троице-Сергиев монастырь стародубское село Алексино, выговорив себе право владеть им пожизненно. Дядя по матери, ставший уже старцем Московского Богоявленского монастыря Иной, мог после смерти племянницы снова взять село в пожизненное владение, выплачивая за него Троице 20 руб. в год.⁴⁵

В 1564/65 г. Авдотья, вероятно, чувствуя приближение смерти, написала духовную.⁴⁶ Она простила долги двоюродному брату Ю. И. Шапцыну Мезецкому, ему же и двоюродным сестрам завещала деревни, полученные в наследство от умершего бездетным дяди П. М. Мезецкого, подтвердила передачу Алексина Троице, а в Богоявленский монастырь отдала суздальское село Глумово с 14 деревнями, чтобы частью «до живота» владел старец Иона Протопопов. Он же вместе с троицким и богоявленским настоятелями назначался ее душеприказчиками. Три деревни княгиня завещала преданным слугам.

В духовную, составленную вскоре после Приговора 1562 г., запретившего передачу в монастыри княжеских вотчин, был включен особый пункт: «И только государь пожалует... не велит взяти у Живоначалныя Троицы и Чюдного Богоявления тое вотчинки... а нас не учинит беспамятных. А возмет — его царьская воля». Любопытное свидетельство применения законодательства о княжеских вотчинах. Иван IV не «учинил беспамятными» Мезецких и Пронских: Алексино попало в Троицу. Благодаря этому и сохранился комплекс актов этой семьи.

Княгиня Авдотья завещала похоронить себя в Троице-Сергиевом монастыре, нарушив семейную традицию: в Московском Богоявленском монастыре были погребены и предки («родители») протопопа Василия, и он сам, и его жена, и родители Авдотьи.⁴⁷ Но семейной усыпальницей князей Пронских был Троице-Сергиев монастырь,⁴⁸ и Авдотья пожелала покоиться там же. Поэтому-то

⁴³ Не было и детей, умерших в младенчестве: в духовной (о ней см. далее) Авдотья не дает заупокойных вкладов по детям.

⁴⁴ ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, Суздаль № 10.

⁴⁵ ЦГАДА, ГКЭ, Суздаль, 37/11816.

⁴⁶ Там же, 48/11827.

⁴⁷ Никодим еп. Описание Московского Богоявленского монастыря. М., 1877, с. 28—29.

⁴⁸ В XVII в. в Троице-Сергиевом монастыре выделялось место погребения кн. Пронских, хотя надписи на плитах уже стерлись («подписей пацках не знать»). См.: Горский А. В. Историческое описание свято-Троицкие Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам. М., 1890, ч. 2, с. 98.

она и поделаила свои вотчины между Троицей и Богоявленским монастырем, что вызвало досаду богоявленских старцев, затеявших в 1576 г. безуспешную тяжбу с Троицей об Алексине.⁴⁹

Вероятно, вскоре после составления духовной около 1564/65 г. княгиня Авдотья умерла в возрасте 33—35 лет.

Автору представлялось бесполезным изложить эту семейную хронику: большие политические события и повседневная жизнь, так скупо известная нам по источникам, тесно переплелись в жизни этой феодальной семьи. Проникновение в семейные отношения русского средневековья оказывается возможным только при использовании генеалогических методов, при изучении не только родства, отношений по вертикали, но и брачных связей, отношений по горизонтали. Изучение такой «семейной» генеалогии может сделать более конкретными и наши представления о социальной и политической истории XVI в.

Г. А. ПОБЕДИМОВА

ПИСЦОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЕРЕВСКОЙ ПЯТИНЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ГЕНЕАЛОГИИ СЛУЖИЛОГО СОСЛОВИЯ XVI в.

Писцовые материалы, объединяющие в себе переписные, приправочные, платежные и обыскные книги Новгородской земли XVI в., были впервые введены в научный оборот в трудах по аграрной истории Северо-Запада России,¹ где они положены в основу исследований главных социально-экономических проблем XVI в. — формирования поместного дворянства и закрепощения крестьян.

История поместного землевладения тесно связана с историей отдельных семей служилого сословия.² Эта особенность обусловлена самим характером описаний, учитывавших прежде всего самого служилого человека и размер его земельного владения. Поэтому различные писцовые книги, из которых каждая в отдельности создавалась по особым обстоятельствам своего времени, взятые в последовательной связи, могут быть использованы в новом качестве — как генеалогический источник. Метод генеалогического анализа подобных массовых источников был разрабо-

⁴⁹ ЦГАДА, ГКЭ, Суздаль, 80/11859.

¹ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971; Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Л., 1974.

² Бычкова М. Е. Степан Борисович Веселовский — генеалог. — В кн.: История и генеалогия. М., 1977, с. 45, 48—49.